

ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КОНФЛИКТА В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Анализ политики России в отношении конфликта в Южно-Китайском море приводит к довольно неожиданному результату. Казалось бы исследовать эту тему большого интереса нет, так как много раз и на разных уровнях российскими официальными представителями указывалась неизменность нашего подхода, выражавшегося в невмешательстве в этот конфликт, в решение его на основе международного права и исключительно мирными средствами. Но, как выясняется, эта неизменная формула только внешнее обрамление реальной политики, в которой сфокусировались ключевые проблемы, которые стоят перед Россией на Востоке. Сравнительный анализ подходов России к конфликту в Южно-Китайском море в начале и середине 2000-х, в период 2014-2017 гг. и ныне показывает впечатляющие изменения в ее внешнеполитическом курсе на Востоке.

Если не углубляться далеко в советский период, то реально проблема конфликта и соответствующего поведения в ЮКМ встала перед Россией в начале 2000-х годов. Наша страна, постепенно преодолевая затяжной кризис 90-х годов, когда кроме стран Запада для нее, казалось, больше ничего и не существовало, начала проявлять интерес к огромному региону Большой Восточной Азии и, в частности, к Юго-Восточной Азии, где еще в советский период с точки зрения военно-политической мощи она играла одну из ведущих ролей.

Возвращение России в ЮВА мыслилось тогда, как многовекторная политика, основанная на представлении о том, что Россия готова дружить со всеми в регионе, кто готов дружить с ней. При этом «Москва, - по словам заместителя министра иностранных дел А.Н. Бородавкина, - была убеждена, что китайские партнеры были заинтересованы в том, чтобы Россия занимала более прочные позиции в регионе, тем более, как он отмечал, «мы пока не можем выступать в качестве конкурента Китая в Азии и на Тихом океане»¹. Рассчитывая на поддержку Китая, Россия в качестве своего вклада в региональную стабильность, выступила с глобальной идеей форми-

рования так называемой новой архитектуры безопасности в ЮВА. В Москве полагали, что «у этой инициативы есть перспективы в регионе, так как ... все заинтересованы в том, чтобы была какая-то система сдержек и противовесов, при которой государства имели бы возможность реализовывать свои интересы, избегая конфликтов между крупными странами².

К некоторому удивлению, но китайцы отнеслись к нашим предложениям, прямо скажем, без особого энтузиазма. Я сам был свидетелем, как их видный дипломат Чжан Дэгуан - бывший посол в России, заявил в декабре 2011 г., на проходившей в Москве конференции по российско-китайскому взаимодействию в АТР что «Россия должна сама заботиться о своем возвращении в ЮВА и что Китай не собирается оказывать ей в этом содействие»³. Отказ Китая от содействия нашему возвращению в регион оказался, как показала жизнь, очень позитивным фактором для продвижения наших интересов. Москва освободилась от необходимости постоянно оглядываться на китайских товарищей и оказалась в некотором роде предоставлена сама себе и стала восприниматься во многих странах ЮВА как новый и независимый игрок, который мог бы быть очень полезен в складывавшейся расстановке сил. Особо хочу отметить, тот важный факт, что именно Вьетнам, который особенно тепло принял наше возвращение в регион, выступил в это время нашим главным помощником и проводником. При его поддержке Россия в 2010 г. вступила в ключевую региональную экономическую организацию - Восточноазиатские саммиты. Это была большая победа после известного конфуза в Куала-Лумпуре 2005 г., когда президент России открывал первый саммит ВАС, а в итоге нашу страну в эту организацию тогда так и не приняли. Наши отношения в это время с Вьетнамом вновь, как и в прошлом, приобрели настолько многосторонний и доверительный характер, что в одной из статей В.В. Путина, опубликованных в 2011 г. Вьетнам был назван в числе трех важнейших для России в Азии стран (еще Индия и Китай), то есть одним из ближайших союзников России на Востоке.

Такое мощное российско-вьетнамское сближение происходило на фоне конфликта во вьетнамо-китайских отношениях вокруг островов Южно-Китайского моря. Этот конфликт, после того как Китай незаконно объявил 80% акватории этого моря своей территорией, приобрел тогда особенно острый характер. Несмотря на это, отношения двух стран быстро развивались во всех сферах – в первую очередь в военно-техническом сотрудничестве, а также в

энергетике, в совместной нефтедобыче, причем не только на шельфе ЮКМ, но и в Западной Сибири. Постоянно подчеркивалась и близость и совпадение наших позиций по ключевым вопросам международных отношений и обстановки в мире. В качестве модели дальнейшего развития обсуждались проекты возможного возвращения российского флота в Камрань, где планировалось вновь создать пункт материально-технического снабжения, а в сфере экономики - зону свободной торговли между двумя странами и существенно нарастить взаимную торговлю.

Что касается позиции России относительно конфликта в ЮКМ, то в ее основе лежала идея невмешательства, надежда на то, что мирным путем на основе компромиссов и переговоров две социалистические страны во главе с Компартиями смогут договориться и достичь приемлемого решения. Вообще, оглядываясь назад, можно сказать, что у России в этом регионе тогда была другая, намного более свободная и независимая политика, отвечавшая ее национальным интересам. По соглашению с вьетнамской стороной, например, на шельф ЮКМ, богатый нефтью и газом, несмотря на явное недовольство в Пекине, (о чем будет сказано ниже), вышли ключевые российские энергокомпании, были заключены многомиллиардные контракты на поставку наших вооружений во Вьетнам и во многие другие страны ЮВА, обсуждались крупнейшие инфраструктурные проекты в энергетике и в строительстве первой во Вьетнаме атомной станции. Российский военный флот весной 2012 г., совместно с китайскими кораблями проводил маневры в Желтом море⁴. А уже летом этого года Россия участвовала совместно с американцами в других военно-морских маневрах, куда китайцев даже не пригласили⁵.

Такая свобода и успешность нашего возвращения в регион, когда Россия фактически игнорировала конфликт между Китаем и Вьетнамом в ЮКМ, развивая отдельно связи и с Китаем и с Вьетнамом, по всей видимости, несколько озадачили китайскую сторону. В Пекине явно не рассчитывали, что так быстро и успешно произойдет возвращение России, которое к тому же развивалось широким фронтом, охватывало не только Вьетнам, но и другие страны ЮВА. Выяснилось, что Россия нужна здесь и политически как страна нейтральная и не участвующая в региональных конфликтах, и с точки зрения своих военных поставок, и как потенциально важный экономический партнер. Особое раздражение в Китае вызвало как углубление российско-вьетнамского военно-технического со-

трудничества, так и активность российских энергетических компаний на вьетнамском шельфе. Во влиятельной в Китае газете «Хуаньци жибао» появилась статья, в которой указывалось, что Россия является самым крупным поставщиком оружия для Вьетнама. С 1950 по 2010 гг. объем российско-вьетнамской торговли оружием суммарно превысил 23,6 млрд долл. и составляет 90% импортируемого Вьетнамом оружия. Кроме того, отмечала газета, Россия постоянно поставляет истребители ВВС Индонезии и Малайзии. И даже Бруней, который раньше всегда импортировал оружие из таких стран как Великобритания, Франция и США, стал выбирать российское оружие. Система поражения низколетящих воздушных целей ПВО Сингапура полностью укомплектована российскими комплексами «Игла-С». Сегодня российское оружие стало «ходовым товаром» на рынках Юго-Восточной Азии. Более того, в последнее время отмечала эта газета, действия России в ЮКМ не ограничиваются военными поставками, Россия постепенно переходит к проникновению в сферу экономики и ресурсов. Все эти явления, указывала газета, невыгодны Китаю и Пекин, по мнению этой газеты, «должен при подходящей возможности оказать известное давление на Россию, так как в любом случае, по сравнению с Китаем, Вьетнам и другие страны Юго-Восточной Азии составляют лишь мизерную часть в глобальных стратегических интересах России»⁶.

Очевидное недовольство действиями России в Южно-Китайском море проявлялось в Китае и на официальном уровне. После того как стало известно, о том, что российская кампания «Газпром» будет вести разведку на газ на двух блоках в ЮКМ, официальный представитель МИД КНР Лю Вэйминь сделал завуалированный выпад в адрес Москвы. Отвечая на вопрос о соглашении между «Газпромом» и вьетнамской госкомпанией PetroVietnam о совместном освоении лицензионных блоков на шельфе Вьетнама он призвал компании из третьих стран, не имеющих отношения к Южно-Китайскому морю, держаться в стороне от спорных районов и не участвовать в их освоении до разрешения территориального вопроса.

Негативная позиция Китая в отношении российского участия в освоении ресурсов ЮКМ очень жестко была раскрыта и в публикации в центральном органе ЦК Компартии Китая газете «Жэньминь жибао». В ней указывалось, что Китаю и России следует отдавать себе отчет в том, что стабильность китайско-российских отно-

шений важна для защиты стратегических интересов двух стран, что Южно-Китайское море – самая щекотливая для КНР геополитическая конфликтная точка. Вьетнам, Филиппины надеются привлечь внешние силы, чтобы последние были втянуты в споры за принадлежность островов с Китаем, тем самым, образовать «коалицию» из нескольких стран против одной КНР. В связи с этим, Пекин не может не быть бдительным по отношению к действиям внерегиональных государств⁷.

«Газпром», указывалось далее в статье, – государственная холдинговая компания, несмотря на то, что цель ее сотрудничества с PetroVietnam заключается в получении денег, действия компании в большей степени рассматриваются в качестве государственной позиции России. Это не только мнение китайцев, но и точка зрения мировой общественности. России не следовало именно в это время давать ошибочный или непонятный сигнал в ЮКМ. С одной стороны, это усилит трудности КНР в этом регионе, с другой, вызовет догадки о настоящих замыслах РФ. Китай, указывалось в статье, высоко оценивает стратегические отношения с Россией, однако «Пекин отдает себе полный отчет в том, что в этом вопросе нельзя полностью полагаться на Москву»⁸.

Еще жестче на укрепление российско-вьетнамского сотрудничества отреагировала также входящая в партийный медиахолдинг Компартии Китая газета «Глобал таймс». В ее редакционной статье указывалось, что сотрудничество Вьетнама и России *«выходит за рамки экономических интересов и связано в основном с озабоченностями в сфере политики и безопасности. Это главное соображение России, когда она развивает стратегические отношения с Вьетнамом. Значимость Южно-Китайского моря [для России] определяется не только богатыми запасами полезных ископаемых, но и его стратегической важностью, ибо именно туда устремлены стратегические взгляды России на перспективу. Экономика страны восстанавливается, военная реформа продвигается вперед, и Россия начинает идти на Восток. Вьетнам это определенно плацдарм... По сути дела, стоящая за Вьетнамом Россия немногим отличается от США, которые жаждут заполучить Южно-Китайское море, стоя за спиной Филиппин»*⁹.

Сейчас трудно сказать, насколько подействовали бы китайские протесты и угрозы на политику России на Востоке и на российско-вьетнамские связи, если бы не катастрофическое ухудшение отношений России со странами Запада из-за переворота на Украине

и последующими событиями. После событий 2014 г. Россия оказалась под западными санкциями, превратилась в объект постоянного давления и угроз со стороны стран НАТО.

В этих сложных условиях возникла идея противопоставить давлению Запада более близкие отношения с таким глобальным игроком и потенциальным мировым лидером как Китай. Такой выбор был по-своему обоснован, но он означал фактическое привязывание российской политики на Востоке к интересам Китая. Многовекторная внешняя политика в регионе отошла на «второй план», а свобода российских действий была сведена до минимума, а точнее сказать поставлена во многом в зависимость от политики и интересов Китая. Естественно, что все эти перемены не могли не сказаться на подходах России к конфликту в ЮКМ.

Следует отметить, что такой разворот в сторону Китая вскоре принял просто странный характер, когда любые даже откровенно экспансионистские действия этой страны какой-либо оценки и реакции в Москве не получали. В качестве примера можно привести известную историю 2015 г., когда китайцы в нарушение норм международного права, затеяли бурение на нефть на вьетнамском шельфе, или когда их военные корабли стали атаковать вьетнамские рыболовные суда в местах их традиционного промысла. Я, кстати, был во Вьетнаме летом 2015 г., когда каждый день вокруг незаконной китайской буровой проходили сражения китайских и вьетнамских сторожевых кораблей, которые поливали друг друга из брандспойтов. Вьетнамские друзья спрашивали меня о том, почему, когда даже Гвинея-Бисау выступила с протестом против действий Китая, а Россия - наш главный друг молчит. Опасение обидеть китайских друзей проявилось и в реакции России на решения третейского суда в Гааге по ЮКМ в июле 2016 г. В первоначальном заявлении МИД России эта позиция была довольно неопределенной. «Мы выступаем, - отмечалось в документе, - за то, чтобы вовлеченные в территориальные споры в указанной акватории государства, строго следовали принципу неприменения силы, продолжали поиски путей политико-дипломатического урегулирования имеющихся разногласий на основе международного права, прежде всего, конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также в духе асеановско-китайских документов». Представитель МИД РФ указала также, что «мы поддерживаем усилия АСЕАН и КНР по выработке кодекса поведения в Южно-Китайском море», подчеркнув при этом, что Москва «не является участником территориальных споров в Южно-

Китайском море» и «не будет в них втянута»¹⁰. Анализ этого документа показывает, что первоначально Россия не считала необходимым менять свои подходы к конфликту и стремилась найти нейтральную позицию. Ведь заявление это практически полностью совпадает с другим документом, принятым по итогам официального визита в СРВ в ноябре 2013 г. президента В.В. Путина. В нем российский президент и президент Вьетнама Чыонг Тан Шанг отметили, что территориальные и иные споры на пространстве АТР должны решаться исключительно мирным путем, без применения силы или угрозы силой согласно действующему международному праву, прежде всего Уставу ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Они совместно выступили за выполнение Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и скорейшее принятие юридически обязывающего Кодекса поведения в ЮКМ»¹¹.

По всей видимости, такая реакция не полностью удовлетворила китайских друзей, поэтому в «Российской газете» - официальном органе правительства РФ, появилась статья некоего Константина Щепина под названием «Тигр бумажный арбитражный», где решения третейского суда полностью отвергались и излагалась односторонняя китайская трактовка событий в Южно-Китайском море¹². А вслед за этим на встрече «двадцатки» в китайском Ханчжоу в начале сентября 2016 г. президент Путин на вопрос - признает ли Россия легитимность решения третейского суда в Гааге, - ответил отрицательно, что Россия не признает легитимность решения гаагского суда. При этом президент четко сказал почему - «Китай не участвовал в рассмотрении этого вопроса, а значит и решение трибунала не может, с нашей точки зрения, иметь легитимную силу».

Понятно, что во время визита в Китай, в сложившихся сложных условиях все более жесткого давления с Запада на Россию, иной ответ российского лидера вряд ли был бы возможен. К сожалению многие в Москве истолковали этот ответ как сигнал еще большего отхода от озвученной в заявлении МИД формулы и перехода на китайскую трактовку событий в ЮКМ. Заговорили о том, что конфликт надо урегулировать на основе двусторонних переговоров, при этом, подчас, перестали даже указывать на необходимость следовать международному праву и, в частности, конвенции ООН по морскому праву 1982 г., так как Китай в своей политике в ЮКМ ее явно нарушает. Отход от традиционной линии стал настолько заметен, что со стороны возникло ощущение, что неко-

торые чиновники и даже ответственные политологи в Москве перестали отдавать себе отчет в одном простом факте - Китай не меньше, а вполне вероятно и больше России заинтересован в развитии сотрудничества и дружбы, и что отношения с ним - это улица не с односторонним, а с двусторонним движением, и что у Москвы есть масса аргументов в отношениях с КНР.

Однако вскоре выяснилось, что более жесткая позиция в отношении конфликта в ЮКМ, кроме официальной благодарности со стороны китайских властей каких-либо ощутимых дивидендов от непризнания решений третейского суда в Гааге России не принесла. Более того, в мире и в Азии Россия оказалась в очевидном меньшинстве, так как подавляющее большинство стран и в том числе почти все страны АСЕАН, решение трибунала признали законным и потребовали его выполнения китайской стороной. Позиция Москвы вызвала, по словам многих политологов, сомнения в странах региона относительно самостоятельности российской политики. Эти подозрения еще более усилились, когда начались совместные маневры российского и китайского флотов в Южно-Китайском море. И хоть происходили они в районах далеких от спорных акваторий, многие в политических элитах Вьетнама восприняли такие маневры как чуть ли не предательство Россией интересов своего традиционного друга и союзника.

В такой напряженной ситуации неизбежно возникло определенное взаимное непонимание, когда в ответ на пассивность и зависимость российской позиции в отношении конфликта в ЮКМ, Вьетнам в свою очередь перестал как раньше автоматически поддерживать российские инициативы на международной арене, стал проявлять большую сдержанность в отношении проблем, стоящих перед глобальной политикой России. Также во Вьетнаме усилились тенденции к большей внешнеполитической ориентации на США, которые превратились во второго по значимости после Китая торгового партнера. В свою очередь США, в рамках политики «окружения Китая» и создания из числа соседних с ним стран ЮВА некоего «санитарного кордона», стали позиционировать себя в качестве единственной реальной силы способной остановить экспансию Китая в Южно-Китайском море. В определенном смысле такая политика Вьетнама в это время носила вынужденный характер, так как Пекин довольно быстро наращивал свои военные возможности в ЮКМ, незаконно превращая бывшие одинокие скалы в полноценные острова с взлетно-посадочными полосами и военными гар-

низонами. Насколько надежна и продуктивна ориентация Ханоя на США и насколько американцы в будущем будут решительны в возможной защите Вьетнама - это еще большой вопрос. Нельзя забывать об их предательстве своего самого близкого союзника южновьетнамского режима, когда в январе 1974 г. Китай захватил Парасельские острова и никакой помощи своим союзникам американцы не оказали.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сложные международные обстоятельства, в которые попала Россия, и связанное с этим изменение политики Москвы в конфликте в ЮКМ, нанесли серьезный ущерб российско-вьетнамским отношениям. Но, несмотря на желание многих внешних игроков перевести вьетнамороссийские отношения на политическую периферию, превратить Россию из ключевого партнера во второстепенного тоже не осуществилось. Слишком большой фундамент, слишком длинная и плодотворная традиция сотрудничества. Как выясняется многое из того, что было заложено в предыдущие годы никуда не ушло, а продолжает медленно, но неуклонно развиваться. Вьетнам является для России страной номер один в регионе АТЭС», - заявил во время своего визита во Вьетнам в начале 2018 г. министр экономического развития России Максим Орешкин. Среднегодовые темпы роста взаимной торговли в течение последних 5 лет составляли 10,3% и обеспечивались поставками в основном продукции высокого передела, а наши торгово-экономические связи имеют вполне сформированную диверсифицированную структуру. Министр иностранных дел России Сергей Лавров отметил во время своего недавнего визита во Вьетнам, что: «Товарооборот между Россией и Вьетнамом в 2017 г. увеличился на более чем 35%, достигнув рекордного показателя в истории с 1991 г. – более 5 млрд долл. США». По его словам, такой впечатляющий рост в прошлом году был достигнут в значительной степени за счёт подписания Вьетнамом Соглашения о зоне свободной торговли с Евразийским экономическим союзом в 2015 г., которое, вступило в силу в 2016 г.¹³.

В сфере военного и военно-технического сотрудничества контакты также поддерживаются на самом высоком уровне. Так во время своего визита во Вьетнам министр обороны России С.К. Шойгу заявил, что «Мы благодарны за приём наших кораблей в Камрани. У нас с вами подписан очень важный документ об упрощённом заходе в порты наших стран. Надеемся, что он послужит дальнейшему развитию отношений по линии наших флотов и

продвижению нашего сотрудничества в военной и военно-технической сфере». Министр обороны России подчеркнул, что рад второй в 2018 г. встрече с вьетнамским коллегой. Говоря о совместной подготовке военных кадров, глава вьетнамского военного ведомства Нго Суан Лить выразил благодарность Минобороны РФ за выделение в 2018 г. 176 мест для обучения вьетнамских военнослужащих в России. «Это самое большое число с момента возобновления вами выделения льготных и безвозмездных стипендий», — отметил он¹⁴. Кстати, как следует из заявления по итогам официального визита президента Вьетнама Чан Дай Куанга в РФ, состоявшегося в конце июня 2017 г., Россия и Вьетнам договорились расширить зону разведки и добычи нефти на континентальном шельфе СРВ. В совместном документе отмечается, что страны достигли соглашения углубить взаимодействие по вопросу ведения совместных геологических изысканий «чёрного золота» на континентальном шельфе Вьетнама, соблюдая при этом Конвенцию ООН по морскому праву от 1982 г.¹⁵.

Это заявление интересно тем, что Россия в нем вновь возвращается к формуле урегулирования конфликта в ЮКМ, принятой до событий 2014 г., опять упоминает Конвенцию ООН по морскому праву от 1982 г. как ключевой и основополагающий для мирного урегулирования документ.

Сегодня, по всей видимости, можно сказать, что низшая точка кризиса в российско-вьетнамских отношениях пройдена. Об этом свидетельствует демонстративная теплота встреч лидеров двух стран сначала в Сочи на саммите Россия-АСЕАН в мае 2017 г., а сравнительно недавно в Дананге на саммите АТЭС. Да и сам факт, когда три ключевых министра за очень короткое время побывали в 2018 г. с визитами во Вьетнаме говорит сам за себя. Выход из кризиса наших отношений во многом связан с тем, что несмотря на все сложности своего положения, Россия, освобождается от многих иллюзий, все больше осознает новую сверхзадачу политики на Востоке. Смысл ее в том, чтобы стараться дружить и с Китаем и с Вьетнамом, быть на стороне справедливости и мира в конфликте в ЮКМ. Это то, что в регионе часто называют «вин вин полиси», то есть такая политика, когда проигравших просто нет и все стороны выигрывают от принятых решений. О таком подходе заявил, например, посол России во Вьетнаме В.И. Внуков во время своего выступления в мае 2017 г. в Государственной политической академии имени Хо Ши Мина. Он, в частности, сказал, что «развитие

всеобъемлющего стратегического партнерства с Вьетнамом – давним и надежным другом России – является одним из приоритетов российской внешней политики в АТР», а также отметил, что Российская Федерация как евразийская держава «кровно заинтересована в обеспечении мира, безопасности, стабильного развития этого региона, в создании здесь надежных международно-правовых механизмов и принципов безопасности и сотрудничества»¹⁶.

При всем неожиданном оптимизме относительно реального состояния и перспектив российско-вьетнамских отношений, говорить о существенном сдвиге в поиске позитивных решений в конфликте в ЮКМ пока не приходится. Более того для России отношение к конфликту, как мне представляется, превращается сегодня в еще более сложную и трудную задачу, чем это было раньше. Причина этого в том, что уже не столько вьетнамо-китайские противоречия, а соперничество Китая и США за доминирование в огромном регионе становится ядром противостояния в ЮКМ и превращает это противостояние в потенциальный конфликт глобального масштаба.

---

¹ http://www.perspektivy.info/rus/desk/tihookeanskij_vektor_vneshnej_politiki_rossii_2012-02-06.htm

² Там же.

³ Подробнее об этом см. Мосяков Д.В. Политика Китая в ЮВА от прошлого к настоящему. М., 2012. С. 6.

⁴ http://www.ng.ru/world/2012-04-23/1_manevry.html

⁵ <http://www.techportal.ru/material/?check=2&id=11426>

⁶ <http://inosmi.ru/world/20120808/196275830.html#ixzz24UPf6TcB>

⁷ Жэньминь жибао, 12.04.2012.

⁸ Там же.

⁹ Цит. по Asia Times, 18.04.2012.

¹⁰ <http://www.kommersant.ru/doc/3038013>

¹¹ http://news.kremlin.ru/ref_notes/1562

¹² Российская газета, 28.07.2016

¹³ Нян зан, 17.03.2018.

¹⁴ Департамент информации и массовых коммуникаций Министерства обороны Российской Федерации 5 апреля 2018 г.

¹⁵ Телеканал Звезда, 29.06.2017.

¹⁶ viewtopic.php?p=2343#p234